

Тик Людвиг Иоганн

Волшебный замок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т40

Т40 **Тик Людвиг Иоганн**
Волшебный замок / Тик Людвиг Иоганн – М.: Книга по Требованию, 2012. –
122 с.

ISBN 978-5-458-12806-3

Волшебный замок : Повесть / Соч. Л. Тика; Пер. с нем. Я.И.Р
442/52 801-10/366:Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1836:Соч. Л. Тика; Пер.
с нем. Я.И.

ISBN 978-5-458-12806-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бопнтся, чтобъ онъ среди бѣлаго дня не употреблялъ свѣчи, значило бы дозволять себѣ слишкомъ много.

— «Довольно глупо!» вскричалъ Фреймундъ: »и Себастіанъ также не напомнилъ мнѣ объ эпомѣ.»

— Да и къ чему? — сказалъ Швигеръ: — послушай, другъ мой, ты самый разсѣянный изъ всѣхъ людей, и всегда сердншься, когда кто нибудь хочеть обратитъ свое вниманіе на эту слабость. Припомни, что ты недавно надѣлалъ, когда долженъ былъ по дѣламъ своимъ ѣхать. Проработавъ всю ночь, и сидя вопъ памъ у своего стола, ты вдругъ громко и съ поспѣшностію позвалъ Себастіана, и когда спарикъ вошелъ, ты сказалъ ему: *Мы тотчасъ ѣдемъ! Посмотри, взошло ли солнце.* Себастіанъ вышелъ, чтобъ изъ другой комнаты пройти на балконъ! — Болванъ! простиофил! ты всегда разсѣянъ и безполковъ! закричалъ ты. Себастіанъ возвратился въ испугъ. *На, возьми свѣчу!* Спарикъ, не измѣняясь въ лицѣ, взялъ свѣчу, успавилъ ее прошивъ ушренной зари и возвратясь, сказалъ: *Всюду ясно и свѣтло, и хотя вѣтеръ погасилъ свѣчу, однако жъ и въ потьмахъ можно было замѣтить восхождение солнца.* Не обративъ вниманія на его безвредную злобу, ты прыгнулъ въ карену, и когда прощаясь съ тобою, я просилъ, чтобъ ты не оказывалъ подобныхъ слабостей предъ своимн служителями, ты обошелся со мною грубо, и въ ту жъ минуту позабылъ, о чемъ шла рѣчь. О! тебѣ довольно доспаются бороться съ самимъ собою, и не нужно ни какого осо-

оеннаго приключенія, ни какой помѣхи, чтобъ устращивъ себя и уничтоживъ весь свои плаши.

Фреймундъ съѣлъ съ досадою. «Можно ли все и съ точностію удержатъ въ головѣ, когда бываешь обремененъ такимъ множествомъ дѣлъ?» сказалъ онъ нахмурясь. Одно погоняешь другое; вопъ и теперь замужство моеѣ дочери надѣлало мнѣ нму хлопотъ. Приданное, добрыя наспавленія, отеческая пѣжноснъ, имѣніе ей слѣдующее, краснорѣчіе, употребляемое для полученія ея согласія, спараніе ошвраппшъ ее онъ глупой любви, и сверхъ того еще другія занятія, которія всяпшъ у меня на шеѣ по званію королевскаго совѣтника.»

Если можно осмѣлишься напомнишь себѣ, сказалъ Швигеръ: чего ты ищешь такъ прилежно и съ такимъ шрудомъ?

Спарикъ вспалъ. «Молчи съ своими напомнаніями!» вскричалъ онъ. «Я нищу докуменша на десяпъ тысячь шамеровъ, кошорые должна получишь дочь моя Если онъ пропалъ..... а можешъ бышь гдѣ ншбудъ въ другомъ мѣснѣ..... но нѣшъ, онъ долженъ бышь здѣсь засунушъ. Ну, понщу снова, а я было уже оняпъ позабылъ объ немъ.»

Онъ началъ искашь вновь и съ большимъ рвеніемъ. Скоро шкапъ былъ почти опростанъ; разбросанныя бумаги, докуменшы и письма валялись по полу. Между шѣмъ Швигеръ съ удовольствіемъ сидѣлъ на софѣ, и съ величайшимъ спокойствіемъ смонрѣлъ на эту дѣяшельную сумящицу. — Ка-

кой порядливый, дѣловой чело́вѣкъ! сказа́тъ онъ улыба́ясь: какъ онъ, при величайшей своей поропливости, умѣетъ каждому лиспочку назначить приличное мѣсто!

— «Наконецъ! наконецъ!» воскликнулъ Фреймундъ торжественнымъ голосомъ: «я зналъ, что онъ здѣсь долженъ бытъ засунутъ. У меня порядокъ не такой, какъ у нѣкоторыхъ другихъ людей.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ выдать дочь свою за господина фонъ Доберна? — Ты знаешь.....

— «Все знаю!» вскричалъ съ досадою Фреймундъ, перебивъ рѣчь своего стараго друга: «она будетъ за нимъ; она должна. Онъ чело́вѣкъ доспачочный, значительный и сдѣлаетъ хорошую каріеру; она никого еще не любитъ, а хотѣла бы и напропавъ, но ты знаешь мои правила относительно этого предмета; по крайней мѣрѣ о молодомъ капитанѣ не должно бытъ и рѣчи; отецъ его смертельно меня обидѣлъ.»

Призвали слугу, чѣмобъ опять уложить въ шкафъ бумаги. Въ то же время явился молодой Мансфельдъ, другъ дома, очень полезный обонимъ спарикамъ; между нѣмъ неповоротливый Швигеръ преспокойно смотрѣлъ на весь безпорядокъ и хлопотню, не показывая даже и виду, чѣмобъ онъ хотѣлъ оказать нунтъ свою помощь. Поспой-ка! поспой! вскричалъ вдругъ Фреймундъ, подай! это купчая на мое маленькое имѣніе, копорую я понапрасну искалъ цѣлую недѣлю.

— На волшебный замокъ? спросилъ его Мансфельдъ, копорый мы должны, какъ вы сами того желали, завтрашній день освятить?

— »Да,« отвѣчалъ Фремундъ: »но, оставьте это глупое названіе, если желаете, чтобъ мы оспались друзьями; онъ называется Граупенгеймъ и долженъ опять получить насполицее старое свое названіе. Всѣ эти затѣйливыя сказки, копорыя хотѣли навязать этому домику, такъ же неудачно выдуманы, какъ онъ невѣроятны и нелѣпы. Это насполицая черта нашего времени: теперь любятъ подобныя глупости, копорыя разсмаприваются какъ нѣчто особенное, часто даже людьми не принадлежащими къ либературному кругу.»

— Позвольте, почтеннѣйшій господинъ совѣтникъ, сказалъ Мансфельдъ; намъ, молодымъ людямъ новаго, просвѣщеннаго вѣка, смопрѣчь на вещи иначе, нежели какъ глядѣли на нихъ наши предки. Они довольствовались проспымъ чиспымъ разсудкомъ, не заботясь о глубинѣ философіи, и утѣшались только пуспными шутками и поверхностными изобрѣпеніями, не спараясь знакомиться съ воображеніемъ и чудесами, копорыя оно производитъ. Милоспивый государь! эти таинства, духовный міръ, психологія, магнетизмъ, видѣнія сомнамбулистовъ, пророческій сонъ, глубокія познанія природы и вновь открытыхъ ея силъ,..... Позвольте, я вамъ прочту одну только повѣсть нашего замысловатаго Гофмана, и вы сдѣлаетесь совершенно другимъ человекомъ! —

— «Оставьте меня въ покоѣ!» возразилъ Фреймундъ: «у меня множество дѣлъ, и я не могу перелѣть времени на повѣсти о привидѣніяхъ: членіе и при такой жаркой погодѣ можетъ произвести во мнѣ дрожь. Подите къ нашимъ женщинамъ; подите лучше туда съ такими нелѣпыми разказами.»

Молодой Мансфельдъ охотно послѣдовалъ этому совѣту, и съ радостію оставя угрюмыхъ стариковъ, отправился къ дочери хозяина, которая съ маперью и одною молодою пріятельницею занималась въ прохладной садовой бесѣдкѣ женскими рукодѣльями. Онъ принялъ его ласково, потому что онъ всегда рассказывалъ имъ что нибудь новенькое, а особенно бѣлокурая пріятельница Луизы, которой благосклонность принимала почти видъ нѣжности. «Граупенгеймъ», началъ Мансфельдъ: «теперь уже ваша собственность, и я этому очень радъ. Запра мы все отправляемся туда, чтобы торжественно вселеніе во владѣніе этимъ домомъ.»

— Мнѣ непріятна эта покупка, отвѣчала госпожа Фреймундъ: мужъ мой, уже старѣетъ и слишкомъ обременяетъ себя дѣлами; памятъ его становится слабѣе; управленіе этимъ домомъ, большимъ имѣніемъ, и вотъ еще.....

«И къ тому же,» подхватила Луиза: «такое гнѣздо привидѣній, о которомъ идетъ самая худая молва; гдѣ ходилъ духи, случались убійства и гдѣ я буду спрашивать даже и на минуточку оставаясь одна, особливѣ ночью.»

— О это прекрасно! вскричала веселая Ген-

рієта, ударивъ въ ладоши: »миѣ должно поздра-
 вить васъ, сударыня, и мою Луизу съ шапкѣмъ прио-
 брѣщеніемъ. Я всегда желала пожить въ ша-
 комъ жилищѣ, гдѣ не совсѣмъ смирно, гдѣ въ
 каждой комнаѣ, въ какой нибудь буквой бесѣд-
 кѣ, или подземельѣ приходишь на мысль все хоро-
 шее и худое изъ романовъ Миѣ Радклифъ. Вме-
 сто того, чѣмъ спрашивать, какъ обыкновенно:
 прилетѣли ли ласпочки? возвратился ли англѣ
 въ старое свое гнѣздо? теперь будешь освѣдом-
 ляться: показывается ли духи? часомъ ли вы дрожа-
 ли отъ страха въ эту осень? чѣмъ дѣлаетъ вашъ
 любезный, добрый домовой? показывается ли
 опять съдой человѣчекъ? какія шутки выдумывали
 въ этомъ году подземные духи? Нѣтъ, нѣтъ, я буду
 жить у васъ, и моя компанка должна быть какъ
 можно удивленнѣе! Тогда вечеромъ, при слабомъ
 сіяніи лампы, М^{ръ} Фельдъ прочтетъ намъ чѣмъ
 нибудь испинно ужасное; мы все спанемъ дро-
 жать, никто не захочетъ иппи спать; на-
 конецъ съ біеніемъ сердца проспипся, и я оспаюсь
 одна; опспупаю назадъ при видѣ соблвенной пѣ-
 ни, не смѣю снять со свѣчи или загасить ее. И
 вопъ слышится въ корридорѣ пихая походка, де-
 ревя удивительнымъ образомъ шумящъ, вдали
 глухо бѣетъ двѣнадцать часовъ..... Но при всемъ
 томъ, вы должны сказать намъ, Мансфельдъ, чѣмъ
 собственно заслужилъ такое дурное мнѣніе отъ
 прекрасный домикъ, который находится въ такой
 прелестной споронѣ? —

»Сущими ребячеспами,« отвѣчалъ Мансфельдъ:
 »какимъ-то пайнымъ убійствомъ, ужаснымъ про-

кляпiемъ ; такими обыкновенными дѣйствiями судьбы, какiя мы видимъ въ сопитъ трагедiй; примиренiемъ , котораго еще ожидаютъ и которое, можетъ быть, прелестная Луиза, или рѣзвая Генриетта могутъ исполнить и удовлетворить. Но, кто изъ насъ умретъ тамъ съ опчаянiя, и кто погибнетъ въ пучинѣ страшныхъ происшествiй, кто другимъ образомъ, какъ напримѣръ, вы, почтеннѣйшая госпожа Фреймундъ, можетъ быть, будетъ умерщвленъ древнимъ кнжалою, или отправленъ лимонадомъ, — это зависить отъ воли боговъ.»

— Нѣтъ любезнѣй Мансфельдъ , сказала госпожа Фреймундъ съ величайшею досадою: прошу меня уволить отъ подобныхъ шутокъ. Такими вещами никогда не должно шутить ; и безъ того довольно несчастiй и зла случается на свѣтѣ, и не нужно ихъ накликашь. Впрочемъ я всегда любопытствовала узнать, какiя именно обстоятельства этого дома, или по крайней мѣрѣ, что о томъ рассказываютъ; если вамъ это извѣстно, господинъ Мансфельдъ, сообщите и намъ. Еще свѣтло, мы не суевѣрны, да и самое дѣло, можетъ быть , преувеличено, какъ оно и часто случается въ свѣтѣ; слѣпой страхъ и маловажное безъ нужды представляешь себѣ ужаснымъ, и въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго.

«Мы имѣемъ досповѣрныя свѣдѣнiя,» началъ Мансфельдъ: «что поспроенiе этого дома послѣдовало за сто семьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Вы знаете эту сторону. Надъ рѣкою возвышается холмъ, покрытый виноградомъ, между которымъ посѣя-

ны рожь и огородные овощи, выше лѣсъ, а посреди его прелесный домъ, извѣстный у простаго народа подъ именемъ волшебнаго замка. Въ тридцатипятилетней войну были тамъ Шведскіе шанцы, потому что съ этого мѣста можно обстрѣливать рѣку и берегъ. По заключеніи мира, одинъ старый полковникъ построилъ нѣшъ покойный домъ, и жилъ въ немъ съ своимъ семействомъ. Случилось, что дочь этого воина, молодая прелесная дѣвица, осьмнадцати или девятнадцати лѣтъ, влюбилась, не зная и сама какъ, прошивъ воли отца, въ одного молодого капитана и съ нимъ помолвилась; отецъ ея питалъ смертельную ненависть къ любовнику за то, что отецъ этого любовника, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, чувствительно его оскорбилъ и обидѣлъ. Въ это время одинъ очень богатый помѣщикъ посватался за дѣвицу, и отецъ принудилъ ее дать ему свое согласіе.»

— Лунза покрасѣла; мать ея пришла въ замѣшательство; Генріета лукаво и значительно улыбалась; но Мансфельдъ, отецъ котораго не укрылось замѣшательство и дочери и матери, продолжалъ, по нѣкоторомъ молчаніи, повѣсть свою слѣдующимъ образомъ: «Разумѣется,» послѣдовало обыкновенное отчаяніе; молодой человѣкъ пришелъ въ бѣшенство; дочь проливала слезы; оба жаловались на судьбу, на небо; что впрочемъ всегда и во всякомъ случаѣ непримично.

— Весьма справедливое замѣчаніе, присовокупила госпожа Фреймундъ, посмошрѣвъ внимательно на дочь. Однако жъ, любезный Мансфельдъ, эта исторія не такъ-то занимательна, какъ я вооб-

ражала, и шакъ я думаю, не спойнѣ ея продол-
жать; я вовсе не любопытна. —

«Потернине, милоспивая государыня!» ска-
заль Мансфельдъ: »до сихъ поръ было только
вступленіе; но сейчасъ раскауу вамъ нѣкопо-
рря ужасныя подробности..... Юноша, въ поскѣ
и опчаяніи, безъ совѣша и помощи, остав-
ленный всѣмъ свѣпомъ, и побуждаемый своею
жеспокою спраспью къ опчаяннѣйшей рѣшитель-
ности, когда уже небо не хотѣло помочь ему,
обратился къ аду, и предалъ себя злomu духу, на-
зываемому у поэповъ сапаною, чорпомъ и еще мно-
гими другими именами..... шакъ говорнпѣ преда-
ніе..... Впрочемъ, какъ бы то ни было, шолько
вечеромъ и въ ночь поднялась такаа черповская
буря, вихрь, дождь, гроза; молніа слѣдовала за
молніей, ударъ за ударомъ; вой привидѣній, сло-
вомъ, такаа несказанная суматоха, что всѣ
приглашенные на свадьбу, одержимые слѣпымъ
спрахомъ, разбѣжались одинъ за другимъ; на-
онецъ, когда шумъ прекрапился, нѣсколько поуспо-
коились и женихъ пришелъ оппѣ въ себя, не-
вѣста исчезла.

— Исчезла? вскричала Луиза съ удивле-
ніемъ.

»Да, исчезла,« продолжалъ спокойно Манс-
фельдъ: »Я не дозволяю себѣ ни какихъ пере-
мѣнъ, но передаю вамъ эпу испорію точно въ
томъ видѣ, въ какомъ она сущеспивуетъ въ
успахъ проспанаго народа. Брапъ ея, пылкій моло-
дой человекъ, вообразивъ, что онъ виднпѣ, на
скапѣ къ рѣкѣ, во время бури, сеснпру свою въ

бѣломъ платьѣ , спрыгнувъ за нею съ балкона , и упалъ съ разбитыми членами , или со сломанною шею недалеко отъ рѣки , гдѣ и былъ найденъ на разсвѣтѣ дня.»

— Ну , слава Богу , вскричала Генріета , по крайней мѣрѣ въ вашемъ семействѣ , любезная Луиза , нѣтъ брата ; въ противномъ случаѣ , эта исторія имѣла бы сколько сходства , или намѣковъ , что изъ нея можно бы воспользоваться примѣромъ .

— Милая Генріета , сказала госпожа Фреймундъ съ оскорбленнымъ чувствомъ , вы слишкомъ много полагаеесь на то , что здѣсь нѣтъ моего мужа , и что я всегда бываю чрезмѣрно снисходительна .

— Любезная мапушка ! сказала со вздохомъ Луиза : развѣ не довольно того , что Генріета меня обижаетъ , и вы , господинъ Мансфельдъ..... эпопѣею разскажъ я не знаю

»О несчастивѣйшій изъ всѣхъ расказчиковъ !« вскричалъ молодой человѣкъ : »чѣмъ я виноватъ , что моя исторія найдена прежде скучною , а потомъ занимательною ! Я ничего не прибавилъ къ ней , ничего не убавилъ , ничего не передѣлалъ , но слѣдую такъ просоудушно и честно древнему преданію , что не уважая односпоронней криптики , или ограниченнаго пребыванія , передаю ее скромно , тихо , просто и болѣе всего въ совершенной вѣрности съ преданіемъ о волшебномъ замкѣ . И такъ , опецъ , дряхлый старикъ , съ бѣлыми въ безпорядкѣ лежавшими волосами , споялъ одинъ при этомъ разрушеніи ; онъ про-